

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ВАИШЛАХ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТАНЫ СИЛАКОВОЙ

Коллективная ответственность

По каким меркам ни суди, эпизод шокирующий. Яаков расположился станом в окрестностях города Шхем, правителя которого звали Хамором. Дина, дочь Яакова, выходит из стана, чтобы осмотреть город. Сын Хамора, Шхем, увидев Дину, похищает ее и насилует, а затем влюбляется в нее и решает жениться. Он упрасивает своего отца: «Возьми мне эту девушку в жены!»

Услышав о произошедшем, Яаков безмолвствует, но его сыновья приходят в ярость. Дину нужно спасти, а людей, которые ее обидели, наказать!

Хамор и его сын приходят навестить семейство Яакова и испрасивают согласия на брак. Сыновья Яакова делают вид, что воспринимают это предложение всерьез. Мы поселимся среди вас, говорят они, и породнимся с вами, заключая браки с людьми из вашего народа, при условии, что все мужчины из вашего народа будут обрезаны.

Хамор и Шхем возвращаются в город, сообщают его жителям об этом предложении, и те соглашаются.

На третий день после обрезания, когда боли особенно усилились и мужчины обессилели, Шимон и Леви, братья Дины, входят в город и убивают всех мужчин. Это было ужасное возмездие. Яаков отчитывает сыновей: «Вы навлекли на меня беду, вызвали ненависть жителей этой страны — ханаанеев и перизеев! Мы малочисленны. Если они соберутся и нападут на меня, то я погибну вместе со своей семьей» (Берешит, 34:30).

Но Шимон и Леви отвечают: «Разве можно обращаться с нашей сестрой как с продажной женщиной?» (Берешит, 34:31).

В тексте есть намек на то, что поступку Шимона и Леви было оправдание. Вот что необычно: Тора трижды дополняет рассказ такими «авторскими комментариями» о серьезности сложившейся ситуации в морально-нравственном смысле: «Сыновья Яакова вернулись с поля. Когда эти люди узнали [обо всем], то огорчились и очень разгневались. Ведь [Шхем], переспав с дочерью Яакова, совершил подлость [по отношению к] Израилю — так делать было нельзя» (Берешит, 34:7).

«Сыновья Яакова прошли среди убитых и разграбили город — в расплату за бесчестие своей сестры» (Берешит, 34:27).

Тем не менее Яаков осуждает поступок сыновей, и, хотя в тот день больше не делает им замечаний, память об этом продолжает его мучить. Через пятнадцать библейских глав, спустя много лет, Яаков на смертном одре проклинает обоих братьев за их поведение:

*Шимон и Леви — братья,
их ножи — оружие грабителей!
Не вступай с ними в сговор, моя душа,
не присоединяйся к их сообществу, моя честь!
Ибо в гневе они убивали людей,
по своей прихоти калечили быков.
Прокляты их жестокий гнев
и их свирепая ярость!
Разъединю их в Яакове,
рассею их среди Израиля.*

(БЕРЕШИТ, 49:5–7)

Кто был прав в этом споре? Маймонид оправдывает братьев Дины. В своде законов «Мишне Тора» он объясняет, что учреждение судов и установление верховенства закона — это один из семи законов Ноаха¹, обязательных для всего человечества: «В чем заключается для сыновей Ноаха заповедь учредить справедливый суд? В каждом городе они должны назначить старейшин и судей, которые судили бы на основании перечисленных выше шести заповедей и предостерегали народ от их нарушения. А сын Ноаха, который нарушил одну из этих семи заповедей, должен быть казнен мечом. По этой причине все мужчины города Шхема заслужили смертную казнь (от рук Шимона и Леви, сыновей Яако-ва): ведь Шхем (сын правителя города) похитил (и изнасиловал) [Дину, дочь Яакова], и они это видели и знали и не судили его»² (Маймонид. Законы о царях, 9.14).

На взгляд Маймонида, существует принцип коллективной ответственности. Жители Шхема знали, что сын их правителя совершил преступление, но не привлекли его к судебной ответственности. Значит, они коллективно виновны в отказе в правосудии.

Нахманид придерживается иного мнения. Заповедь потомкам Ноаха об учреждении справедливого суда — это так называемая позитивная обязанность³ установить законы, учредить суды и назначить судей. Но нет ни принципа коллективной ответственности, ни обязанности карать смертью за неисполнение заповедей на практике. Нет, да и быть не могло: ведь если, как утверждает Маймонид, поступку Шимона и Леви было оправдание, почему Яаков в тот день высказал им упрек, а впоследствии, на смертном одре, проклял их?

Спор между Маймонидом и Нахманидом остается неразрешенным, совсем как спор между Яаковым и сыновьями. Мы знаем, что в еврейском законе есть принцип коллективной ответственности: «Коль Израэль аревин зе ба-зе» («Все евреи — поручители друг за друга»). Но является ли этот принцип специфичной чертой иудаизма? Возможно, он обусловлен особым характером еврейского закона, а именно тем фактом, что источником закона стал завет Б-га с сынами Израиля у горы Синай, когда люди индивидуально и коллективно дали слово

соблюдать закон и гарантировать его соблюдение?

Маймонид, по-видимому, хочет сказать, что коллективная ответственность свойственна всем обществам (и в этом он расходится с Нахманидом). Мы несем ответственность не только за собственные поступки, но и за поступки окружающих — тех, среди кого мы живем. Либо, возможно, это понятие вытекает не из понятия «общество», а из характера нравственных обязательств. Если Икс поступает дурно, я должен не только воздержаться от таких же поступков, но и, если это в моих силах, воспрепятствовать дурным поступкам других людей. А если я им не препятствую, то их вина падает и на меня. Сегодня мы бы назвали это «вина безучастного наблюдателя». Вот что говорится об этом в Талмуде: «Рав, рабби Ханина, рабби Йоханан и рав Хавива учили: всякий, кто мог одернуть домочадцев, [совершающих нечто предосудительное], но не одернул, будет схвачен⁴ за [грехи] домочадцев; [мог, но не одернул] жителей своего города — будет схвачен за [грехи] жителей города; [мог, но не одернул] весь мир — будет схвачен за [грехи] всего мира» (Шабат, 54б).

И все же вопрос этот сложный, необходимо вникать во все тонкие нюансы. Между преступником и безучастным наблюдателем есть разница. Одно дело совершить преступление, другое дело — увидеть, как другой совершает преступление, и не попытаться его предотвратить. Возможно, мы считаем безучастного наблюдателя виновным, но не до такой степени, как самого преступника. В Талмуде употреблено слово «схвачен». Возможно, оно означает моральную виновность. Этого человека можно привлечь к ответу. Возможно, он будет наказан «небесным судом» в этом мире или в Грядущем. Но это не значит, что его могут вызвать в суд и вынести ему приговор за преступную халатность.

Широко известен случай, когда этот вопрос был поставлен в связи с поведением немецкого народа и Холокостом. Философ Карл Ясперс разграничил моральную виновность тех, кто совершал преступления, и метафизическую виновность (этот термин он ввел сам) безучастных наблюдателей: «Есть такая солидарность между людьми как таковыми,

¹ Так у автора. Также употребляются понятия «законы или заповеди потомков Ноаха»: в иудаизме заповеди, возложенные Б-гом на все человечество. — *Примеч. перев.*

² Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Судьи». М.: Книжники; Лехаим, 2020. С. 603.

³ Позитивная обязанность (или позитивное обязательство) — обязанность соответствующих государственных органов (должностных лиц) совершить определенные активные действия по

защите принадлежащего лицу блага от посягательств со стороны частных лиц или иных государственных органов (должностных лиц). — *Примеч. перев.*

⁴ Так в английском переводе (употреблено слово «seized»). В русском переводе вместо «схвачен» употреблено слово «наказывается»: «всякий, кто мог одернуть домочадцев, [совершающих нечто предосудительное], но не одернул, наказывается за [грехи] домочадцев» и т. д. Цит. по: Рабби Яаков Ибн-Хабиб. Эйн Яаков (Источник Яакова). М.: Книжники; Лехаим, 2012. Т. 2. С. 107. — *Примеч. перев.*

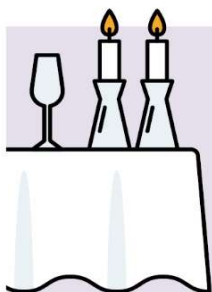
которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен. Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится на меня неизгладимой виной»⁵.

Итак, виновность несомненна, но, утверждает Ясперс, ее нельзя свести к юридическим категориям. Возможно, Шимон и Леви были правы, сочтя мужчин из Шхема виновными, потому что горожане бездействовали, когда сын их правителя похитил Дину и надругался над ней. Но это не значит, что Шимон и Леви были вправе взять правосудие в свои руки, казнив всех мужчин в городе. Яков был прав, расценив

поступок сыновей как жестокое нападение. В этом случае позиция Нахманида выглядит убедительнее, чем позиция Маймонида.

Один из самых глубоких израильских мыслителей, занимавшийся вопросами морали, Йешаяу Лейбовиц⁶ (1903–1994) писал, что, хотя действия Шимона и Леви, возможно, имели этическое оправдание, «есть также этический постулат, который сам по себе не подлежит рациональному объяснению и требует проклясть все эти веские и имеющие под собой оправдание соображения»⁷. По словам Лейбовица, есть поступки, которые можно оправдать, но все равно они отвратительны. Именно это имел в виду Яков, когда проклял своих сыновей.

Одно дело коллективная ответственность, а совсем другое — коллективное наказание.

Around the Shabbat Table

1. What do you think the debate between Ramban and Rambam can teach us about the complexities of decision-making in Jewish history?
2. Looking back at the stories we have read so far in Sefer Bereishit, what are some other instances of collective responsibility?
3. How do you see the notion of 'Kol Yisrael arevin zeh bazeh' (all Jews are responsible for one another) playing out in modern and diverse Jewish communities?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbisacks.org/covenant-conversation-family-edition/vayishlach/collective-responsibility.

⁵ Перевод с немецкого С. Апта. См.: Карл Ясперс. *Вопрос о виновности*. М.: Прогресс, 1999. — *Примеч. перев.*

⁶ Йешаяу Лейбовиц — ученый и философ, профессор биохимии, органической химии и нейрофизиологии Еврейского университета в

Иерусалиме, врач. Родился в Риге, учился и работал в Германии, совершил алию в подмандатную Палестину. — *Примеч. перев.*

⁷ Judaism, human values, and the Jewish state by Yeshayahu Leibowitz. Harvard University Press, 1992. — *Примеч. авт.*